

DOI: 10.31696/S086919080039111-9

ТУВИНЦЫ КИТАЯ В XXI в.: ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ И РОДОВОЙ ДИСКУРС

© 2026

Ж.М. ЮША^а

^а – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург, Россия

ORCID: 0000-0002-4076-4553; zhanna-yusha@yandex.ru

Резюме: Этнические тувинцы Китая проживают в многонациональном Алтайском аймаке Или-Казахской области Синьцзян-Уйгурского автономного района Китайской Народной Республики (КНР), расположенного в северо-западной части страны. Китайские тувинцы, несмотря на то, что живут в отрыве от материнского этноса, в иноэтнической среде продолжают сохранять идентичность, сплоченность, язык и народную культуру. В работе показано современное дисперсное расселение китайских тувинцев, проживающих в семи населенных пунктах Алтайского аймака. Выявлены случаи миграций тувинского населения в города районного значения, вызванные закрытием средних школ в деревнях их постоянного проживания. Охарактеризован современный этнический состав тувинцев, состоящий из 11 родоплеменных групп, в котором встречаются случаи распада групп на мелкие родовые подразделения, а также объединение некоторых родовых групп в один большой сеок. Отмечено, что большинство родоплеменных групп имеется у тувинцев Монголии и России, что указывает на их общность, длительное совместное проживание. Однако у тувинцев Монголии больше совпадений, для них характерны наличие таких же родовых подразделений, в то время как у тувинцев России некоторые отсутствуют. Рассмотрены представления о родовой группе, содержащие архаические воззрения о том, что люди одного рода имеют «одинаковые кости и кровь», из-за чего существуют определенные запреты и правила экзогамии, которые действуют в тувинской среде по настоящее время в условиях иноэтнического окружения. В устной традиции тувинцев изучен родовой дискурс, который представлен преданиями о родоплеменных группах и их подразделениях, о первопредках родовых групп и об истории происхождения родов, которые принимаются слушателями за достоверные сведения. В исторических преданиях повествуется о недавно существовавшей обрядовой практике, посвященной разрыву кровных связей между подразделениями одного рода, а также о случаях вхождения других родов в этнический состав тувинцев.

Ключевые слова: тувинцы Китая, анклавная традиция, современное расселение, представления о родовой группе, этнический состав, родовой дискурс

Для цитирования: Юша Ж.М. Тувинцы Китая в XXI в.: этнический состав и родовой дискурс. *Восток (Oriens)*. 2026. № 4. С. 198–209. DOI: 10.31696/S086919080039111-9

TUVANS OF CHINA IN THE 21ST CENTURY: ETHNIC COMPOSITION AND GENERIC DISCOURSE

© 2026

Zhanna M. YUSHA ^a

^a – Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera),
Russian Academy of Science, Saint Petersburg, Russia
ORCID: 0000-0002-4076-4553; zhanna-yusha@yandex.ru

Abstract: *Ethnic Tuvans of China are a small group living in the multinational Altay aimag of Ili-Kazakh region of the Xinjiang Uygur Autonomous Region of People's Republic of China. Chinese Tuvans, despite the fact that they live in isolation from their mother ethnic group, continue to preserve their identity, unity, language and folk culture in a non-ethnic environment. The paper shows the modern dispersed settlement of Chinese Tuvans living in seven settlements of the Altai Aimag. The modern ethnic composition of Tuvans, consisting of 11 tribal groups, is characterized, in which there are cases of groups breaking up into small tribal divisions, as well as the unification of some tribal groups into one large group. It is noted that the Tuvans of Mongolia and Russia have the majority of tribal groups, which indicates their commonality and long-term cohabitation. However, the Tuvans of Mongolia have more similarities; they are characterized by the presence of the same generic divisions. The ideas about the ancestral group are considered, containing archaic views that people of the same genus have the "same bones and blood", which is why there are certain prohibitions and rules of exogamy that operate in the Tuvan environment to this day. In the oral tradition of Tuvans, the tribal discourse has been studied, which is represented by legends about tribal groups and their divisions, the first ancestors of the tribal group and the history of the clans' origin, which are accepted by listeners as reliable information.*

Keywords: Tuvans of China, enclave tradition, modern settlement, views on the tribal group, ethnic composition, generic discourse

For citation: Yusha Zh.M. Tuvans of China in the 21st century: ethnic composition and generic discourse. *Vostok (Oriens)*. 2026. No.4. Pp. 198–209. DOI: 10.31696/S086919080039111-9

В настоящее время этнические тувинцы Китая расселены в Алтайском аймаке Или-Казакской области Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР) КНР; в паспортах тувинцы записаны монголами, поэтому отсутствует их официальная статистика. До середины XX в. китайские тувинцы не были известны мировой науке, поэтому в китайской научной среде их называли неисследованной этнической группой, говорящей на монгольском языке. Некоторые ученые принимали их за монголов или казахов, их родной язык относили к диалекту казахского языка [Юша, 2018(2), с. 46–47]. Лишь в 1956 г. первый исследователь языка китайских тувинцев Г. Шимин доказал, что их язык – диалект тувинского языка, а сами они – тувинцы [Shimin, 2005, p. 409].

Китайским тувинцам посвящена научная литература в области языка, фольклора, этнографии [Монгуш, 1997; 2010; Shimin, 2005; Mawkanuli, 2005; Нанкуаймодыгы, 2009; Чжэнгчунг, 2016; Юша, 2017(3); 2018(2); Олзей, 2022 и др.]. Актуальность и новизна настоящей работы обусловлена необходимостью научного описания и рассмотрения этнического состава и родового дискурса китайских тувинцев. Цель статьи – описать современное расселение китайских тувинцев в СУАР, выявить представления о родовой группе, охарактеризовать этнический состав китайских тувинцев, проанализировать родовый дискурс,

выполняющий основную роль в самоопределении тувинской идентичности. Источниками исследования послужили полевые материалы автора, зафиксированные в местах проживания китайских тувинцев в СУАР в 2010–2018 гг.

СОВРЕМЕННОЕ РАССЕЛЕНИЕ

В 1757 г. после разгрома Джунгарского ханства Цинской империей тувинцы, кочевавшие южнее, оторвались от основной массы тувинцев и оказались в составе Западной Монголии. Часть этнических тувинцев переселилась на территорию современного Синьцзян-Уйгурского автономного района [Маннай-оол, 2004, с. 115]. Дальнейшие исторические события XX в. – Синхайская революция, падение Цинской империи, образование Тувинской и Монгольской Народных Республик, вхождение Тувы в состав СССР – все эти факторы напрямую повлияли на дальнейшую судьбу и культуру тувинцев, оказавшихся на территории трех разных стран: России, Китая и Монголии.

В современный период китайские тувинцы расселены в населенных пунктах Алтайского аймака Синьцзян-Уйгурского автономного района: Ак-Хава (白哈巴), Ханас (哈纳斯), Хом (禾木), Чунгур (冲乎尔), Ала-Хаак (阿勒哈阿克), Кок-Догай (可可托海), Тамыкы (铁买克), Бейтун (北屯), совместно с численно преобладающим казахским населением. Тувинские семьи имеются также в трех городах СУАР: Хава (哈巴), Буршин (布尔津), Алтай (阿勒泰). Территория проживания тувинцев является дисперсной и образует три «очага». Основное тувинское население проживает в трех деревнях Ак-Хава – Ханас – Хом. В 180 км от названных деревень находится деревня Ала-Хаак, в 200 км город Буршин, далее в 240 км – город Хава. В 100 км от деревни Хом расположена деревня Чунгур. В значительном отдалении от них, в южной части Алтайского аймака, на границе с Ховдинским аймаком Монголии, находятся деревня Тамыкы и райцентр Кок-Догай, а также город Бейтун, где проживают тувинцы [Юша, 2017(3), с. 30].

В 2015 г. в связи с образовательной политикой укрупнения малокомплектных школ в СУАР старшие классы монгольских школ деревень Ак-Хава и Хом были переведены в городские школы Хава и Буршин. Затем с 2022 г. средние школы, функционировавшие в Ак-Хава, Ханасе и Хоме, вовсе закрылись. Поэтому сейчас школьники из названных уездов вынуждены обучаться в китайских школах административных центров, в которых тувинские семьи специально покупают жилье, чтобы не отдавать детей в школьные интернаты.

Из-за данного обстоятельства возникла ситуация, когда в течение года члены одной семьи живут на расстоянии на два дома (в городе и деревне) и ведут раздельное хозяйство, чего раньше в кочевой и деревенской жизни никогда не практиковалось. Сейчас обычно молодые женщины с детьми школьного возраста проживают в городе, тогда как мужчины – главы семейств – вынуждены оставаться в деревне – ухаживать за скотом, обслуживать приезжих туристов, поскольку финансовый доход многих семей напрямую связан с туристической деятельностью. Воспитание детей стало уделом только женщин, тогда как мужчины из-за раздельного проживания не участвуют в домашних делах и не видят взросление своих детей, так как они ведут в одиночку хозяйство в деревне. Как правило, тувинские семьи кратковременно воссоединяются только во время летних школьных каникул или в период продолжительных праздников – китайский новый год, майские выходные дни и др.

В мультикультурном Синьцзяне, в одном из главных регионов Великого Шелкового пути, с давних пор имели место тесные контакты различных народов, и во многих случаях происходила постепенная ассимиляция малочисленных этносов, которые вошли в состав крупных объединений. Так, С.И. Абрамзон, исследуя этногенез киргизов Китая, установил, что небольшая группа тувинцев (группа кок-мончак) в прошлом вошла в их состав

[Абрамзон, 1971, с. 121]. В наши дни среди китайских тувинцев, которые территориально разобщены от основной этнической массы, также наблюдается подобное явление. К примеру, тувинцы, жившие в районах Кок-Догая и Чингила, утратили родной язык, ассимилировались и идентифицируют себя как монголы. Случаи ассимиляции тувинцев произошли и в пределах родоплеменной группы. Например, если большинство представителей рода *ак соян* проживает среди основной массы тувинцев и имеет тувинскую идентичность, то некоторая часть этого рода, живет отдаленно от своих родственников в деревне Шемишек и городе Алтае, сейчас не владеет родным языком и относит себя к монголам.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О РОДОВОЙ ГРУППЕ

В рамках этнической идентичности до настоящего времени у тувинцев большую роль выполняют слаженные механизмы функционирования родственных связей и родовой идентичности. Согласно представлениям тувинцев, родство *сөөк* (сеок) определяется по отцовской линии, поэтому дети принадлежат к роду отца; люди одного рода имеют «одинаковые кости и кровь», из-за чего тувинцы негативно относятся к бракам внутри одного сеока, к так называемому кровосмешению. В речевой культуре китайских тувинцев до сих пор проявляется актуализация принципов родовой идентичности. Так, встречая незнакомого человека, принято расспрашивать его о том, какого он рода-племени, что является важным условием для установления с ним этикетных и поведенческих отношений.

Традиционное знание о родовой идентичности представляет собой одну из морально-этических ценностей в тувинском обществе, поэтому у китайских тувинцев не только пожилые, но и молодые знают свою родословную в пределах семи-девяти поколений, поскольку эти знания считаются необходимыми при выборе брачного партнера. Как и в прошлом, молодое поколение с детства хорошо осведомлено о своей принадлежности к определенному сеоку, что говорит о преемственности и трансляции исторической памяти. В разговорной практике китайских тувинцев при перечислении предыдущих поколений до сих пор сохраняется обычай называть имена мужчин; лишь в редких случаях упоминается количество женщин, поскольку родство идет по отцовской линии. Например, 75-летний Кызыл-Боовой так рассказывал о своих корнях: «Вот у нас есть семь поколений предков. Самым старшим предком был Чочу. Потом сын Чочу Когедей. Сын Когедея – это Кыпшак. Сын Кыпшака – Сандык. Сын Сандыка – Таажык. Сын Таажыка – Кондувай. Старший сын Кондувая – Тонгулак-Озер, второй сын – Майан, это мой отец. Третий его сын – Шимит, четвертый сын – Чынгыр. От одного отца четверо сыновей и одна дочь родились» [Юша, 2017(3), с. 7].

По свидетельству респондентов, в прошлом если ответвление одного рода в условиях экзогамии разрасталось, то после семи-девяти поколений проводили необычный обряд, основанный на поверье, что после семи-девяти поколений у представителей разных подразделений одного рода происходит смена крови. По этому случаю две патронимии одной родоплеменной группы, имевшие общего предка в семи поколениях, проводили обряд разрезания волосяного аркана, символизировавшего прерывание между ними кровной связи. Верили, что после совершенного обряда представители этих родов в будущем могли между собой заключать браки [Юша, 2017(1), с. 108]. Эти представления подтверждаются материалами М.В. Монгуш, записанными в 1993 г.: «Многие пожилые информаторы утверждали, что обычно после седьмого поколения от общего предка род у них разрастается настолько, что на его основе образуется уже два самостоятельных экзогамных рода, которые в отличие от предыдущих могут обмениваться невестами» [Монгуш, 1997, с. 42].

Судя по нашим экспедиционным материалам, в тувинской среде вплоть до начала XXI в. проводили вышеописанный обряд. К примеру, до середины XX в. роды *кызыл-соян* и *хара-соян* не состояли в брачных отношениях, т.к. являлись выходцами из одного большого рода. В наши дни они признаются самостоятельными, их потомки могут заключать между собой браки, поскольку был проведен вышеописанный обряд (Полевые материалы автора в 2016 г. – далее ПМА 2016), который не был зафиксирован у тувинцев России и Монголии.

В современной свадебной традиции китайских тувинцев также соблюдаются экзогамные запреты, что можно продемонстрировать на примере невесты. Новобрачная как чужеродка поклоняется домашнему очагу жениха, вступая под защиту духов-покровителей родни мужа. Невеста на протяжении своей жизни также должна соблюдать словесные и акционные запреты по отношению к свекру, проявлять к нему почтение [Юша, 2018(2), с. 255]. Замужней женщине как чужеродке нельзя подниматься на священные горы рода мужа; подобный обычай зафиксирован у ряда тюрко-монгольских народов: алтайцев [Шатинова, 1981], бурят [Басаева, 1991], российских и монгольских тувинцев [Юша, 2017(2)]. В то же время у тувинцев, как и у других тюрко-монгольских народов, почитаемым человеком является родной дядя по материнской линии, который должен быть главным участником семейных обрядов.

До XX в. представители каждого рода имели охотничьи и пастбищные угодья, которые передавались в наследство по мужской линии [Юша, 2018(1), с. 33]. В наши дни тувинские роды компактно расселены в местах проживания их предков, в памяти народа живы названия местностей и ритуальных сооружений, принадлежавших разным родам. Например, в местной топонимике сохранились названия охотничьих угодий Тайбын Бээзи, Сарул и Кок-мончак хошунов¹.

ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ ТУВИНЦЕВ КИТАЯ

В период господства Цинской империи (1757–1911 гг.), основываясь на родоплеменном делении, тувинские и монгольские племена, расселенные на Китайском Алтае, были разделены на две области, 7 хошунов (районов), состоящих из 27 поселений (сомон). В состав Зуунгар входили 4 хошуна, имеющие 15 сомонов; в состав Баруунгар – 3 хошуна, которые имели 12 сомонов [Нанкуаймодыгы, 2009]. Подобную практику административно-территориальной реформы цинские власти осуществили и в Туве [Маннай-оол, 2004, с. 115].

В настоящее время родовая структура китайских тувинцев также сохраняется, их наличие не только отражает сложный процесс формирования тувинского этноса, но и играет важную роль при определении современной тувинской идентичности, характерной для тувинцев Китая. Вопросы этнической истории китайских тувинцев все еще остаются неизученными; в частности, М.В. Монгуш отметила: «Родоплеменная структура у мончаков (тувинцев. – Ж. Ю.) чрезвычайно сложная, и разобраться в ней за один полевой сезон фактически невозможно» [Монгуш, 1997, с. 12].

Современный этнический состав тувинцев Китая состоит из одиннадцати основных родовых групп (*сөөк*): *иркит*, *хөйүк*, *чаг-тыва*, *ак-соян*, *кара-сал*, *кара-тош*, *кызыл-соян*, *хойт*, *делег*, *калга*, *хаа-дарган*. Из них 5 родов такие, как *иркит*, *хөйүк*, *чаг-тыва*, *кара-сал*, *кызыл-соян* подразделяются на более мелкие патронимии (*салаа*) [Юша, 2018(1), с. 31]. В диалектной речи китайских тувинцев слово «*сала*» выступает только в значении «ответвление рода», в то время как у российских тувинцев «*сала*» обозначает «пальцы рук и

¹ Хошун – административно-территориальная единица, была принята в Монголии, Внутренней Монголии, Туве (тув. вар. *кожуун*).

ног человека». На диалекте китайских тувинцев для пальцев рук и ног используется слово «*савыр*». Следует отметить, что название главного сеока в подгруппах этого рода устойчиво сохраняется, однако к нему прибавляется прилагательное, содержащее дополнительное сведение об особенностях той или иной патронимии, образуя парный этноним.

В состав родственной группы *иркит* входят следующие семь подгрупп: *улуг иркит*; *адай иркит* (вар. — *конгуту иркит*); *шункуур иркит*; *моол иркит*; *боос иркит*; *калчан иркит*; *ак иркит*. Представители *иркит* в наши дни проживают в Ак-Хаве, Ала-Хааке, Тамыкы, Кок-Догае. У российских тувинцев в период Цинской империи род *иргит* входил в составы Хасутского, Оюннарского и Даа хошунов, но не имел мелких патронимий [Маннай-оол, 2004, с. 112–113], по сравнению с китайскими тувинцами. Этноним *адай* зафиксирован на территории Тувы в составе Кемчикского хошуна в начале XX в. в работах Н.Ф. Катанова [Катанов, 1903, с. 284–285] и Г.Е. Грумм-Гржимайло [Грумм-Гржимайло, 1926, с. 15]. В отличие от *адай иркит*, парный этноним *адай-монгуш* фиксировался в Туве в Барун-Хемчикском и Дзун-Хемчикском кожуунах [Татаринцев, 1995, с. 103], но в современное время первая часть данного этнонима не употребляется.

Другой родоплеменной группой, имеющей разветвленные подгруппы, является сеок *хэйук*, представители которого проживают в Ак-Хаве, Ала-Хааке, Тамыкы, Кок-Догае. Этот род подразделяется на восемь патронимий: *кара-хэйук*; *хаа-хэйук*; *хөртүгеш-хэйук*; *донгак-хэйук*; *хүндүгеш-хэйук*; *монгуш-хэйук*; *хойт хэйук*; *шанагаиш-хэйук* [Юша, 2017(3), с. 34]. Среди тувинцев приграничной зоны с Монголией выделяется подразделение *казак хэйук*, что соответствует одноименной подгруппе монгольских тувинцев. В некоторых случаях род *хэйук* китайские тувинцы именуют *донгак*, подразумевая имя первопредка этого сеока. Поэтому род *донгак* в составе тувинцев России, китайские тувинцы признают близкородственным к сеоку *хэйук*. Также имеются случаи, когда этноним рода не совпадает, но он считается родственным. Например, китайские тувинцы считают, что сеок *монгуш* из Тувы также является близкородственным к роду *хэйук*.

Сеок *хэйук* со схожими подгруппами (*монгуш-хэйук*, *донгак-хэйук*, *хаа-хэйук*) имеется у тувинцев Монголии [Аранчын, 1975, с. 215]. Родоплеменная группа *хэйук* была у тувинцев-тоджинцев, но в начале XX в. из-за разразившейся осы род вымер [Вайнштейн, 2009, с. 35]; род *хэйук* был зафиксирован в конце XX в. и в Тере-Холе [Серен, 2006, с. 7].

У китайских тувинцев родоплеменная группа *чаг-тыва* объединяет в себя две группы, которые характеризуются эпитетами *кара* «черный», *сарыг* «желтый»: *сарыг чаг-тыва*; *кара чаг-тыва*. Представители *чаг-тыва* проживают в Ак-Хаве, Ала-Хааке, Тамыкы, Кок-Догае. У *чаг-тыва* «второй компонент полностью совпадает или является тождественным с общим самоназванием тувинцев (в том числе западномонгольских) — тыва [дыгва]» [Татаринцев, 1995, с. 109]. Первоначальное значение слова *чаг-тыва*, как считает Б.И. Татаринцев, близко древнему *йак йагук* (*йавук*) и имеет следующую семантику: «близкие, родственники»; «свои, близкие люди тыва» [Татаринцев, 1995, с. 110]. У тувинцев сумона Буянт Монголии кроме *сарыг чаг-тыва* и *кара чаг-тыва* имеется *ак чаг-тыва* [Аранчын, 1975, с. 213], но в современной Туве род *чаг-тыва* отсутствует.

Сеок *кара-сал* (вар. *кара-соян*) у китайских тувинцев подразделяется на *ак-даяк* и *көк-даяк* [Юша, 2017(3), с. 35]. Несмотря на то, что этот род имеется в родовой структуре монгольских и российских тувинцев, патронимии *ак-даяк* и *көк-даяк* у них не зафиксированы. В отличие от тувинцев Китая, у монгольских тувинцев род *кара-соян* распадается на шесть патронимий [Маннай-оол, 1995, с. 59].

Род *кызыл-соян* у китайских тувинцев имеет две патронимии: *толдубай* и *сандык* [Юша, 2017(3), с. 35]. По сведениям информантов, представители сеока *калга* (халха-монголы) включены в родоплеменную группу *кара-тош* (*хара-тош*), из-за чего они иногда име-

ную себя *калга-хара-тош*, где присутствует монгольский род *калга*. У тувинцев Китая род *ак-соян* не имеет мелких патронимий, тогда как род *ак-соян* у монгольских тувинцев подразделяется на подгруппы: *сарыглар*, *агбан*, *делег*, *бурсуут*, *тос кириш*, *казак-кыргыс*, *шуудак*, *оюн* [Маннай-оол, 1995, с. 59].

Если в большинстве случаев родовые группы китайских тувинцев подразделяются на мелкие подразделения, то присутствует и такой факт, – несколько сеоков объединяются в большой род *дэрт сумун* (вар. *мончак*), куда входят четыре рода: *чаг-тыва*, *иркит*, *хойт*, *хойук* [Юша, 2018(2), с. 32]. Однако этноним *мончак* для других народов служит обозначением всех тувинцев. Подобный случай был у российских тувинцев, которых в русских источниках с XVII в. и вплоть до начала XX в. именовали чаще всего *сойотами*; термин произошел от тувинского этнонима *соян* [Маннай-оол, 2004, с. 132–133].

В современный этнический состав китайских тувинцев вошли и другие народы. В начале XX в. из Горного Алтая в Китай перекочевали алтайские сеоки *делег* и *шанагаши*, которые вошли в тувинские роды и ассимилировались с китайскими тувинцами. В наши дни их потомки не владеют алтайским языком, имеют тувинскую идентичность, хотя помнят, что их предки пришли с Алтая [Юша, 2017(1), с. 105].

В местах компактного расселения тувинцев поселения состоят из родоплеменных групп. Нами зафиксировано, что в Ак-Хабе, Ала-Хааке, Кок-Догае и Тамыкы живут представители *дэрт сумун*; в Ханасе – сеоки *кызыл-соян*, *ак-соян*; в Хоме – роды *хара-тош*, *хара-сал*, *ак-соян*. При этом в условиях соблюдения родовой экзогамии в местах проживания определенного сеока представителями других родов обычно являются замужние женщины, переехавшие к супругам [Юша, 2017(3), с. 36].

В сопоставительном плане можно отметить, что большинство родоплеменных групп, присутствующих в родовом составе тувинцев Китая, имеются у тувинцев Монголии и России, что указывает на их общность, тесные связи и длительное совместное проживание на общей территории. Однако всё же у тувинцев Монголии имеется больше совпадений с тувинцами Китая, для них характерно наличие таких же родовых подразделений, как у китайских тувинцев, в то время как у тувинцев России они отсутствуют. Это можно объяснить близостью территорий проживания китайских и монгольских тувинцев, а также тем, что после Синьхайской революции 1911 г., несмотря на существующие границы, по данным Э. Таубе, постоянные тайные контакты между тувинцами Монголии и Китая сохранялись до середины XX в. [Таубе, 1994, с. 8].

В родовом составе современных российских тувинцев не зафиксированы следующие роды, характерные для китайских тувинцев: *чаг-тыва*, *хойт*, *калга*, *хаа-дарган*, *шанагаши-хойук*. В материнском поле присутствуют сеоки, не входящие в родовую структуру китайских тувинцев: *чооду*, *маады*, *ондар*, *тулуш*, *тумат*, *кыргыс*, *сарыглар*, *кужугет*, *куулар*, *монгуш*, *саая*, *шалык*, *хомишук*, *салчак*, *сат*, *оюн*, *хертек*, *ховалыг*, *байкара*, *бараан*, *ак* [Юша, 2017(3), с. 35]. О перечисленных родовых группах, имеющихся в этническом составе тувинцев России, у китайских тувинцев в наши дни отсутствуют какие-либо сведения.

РОДОВОЙ ДИСКУРС

В современных условиях малочисленности этноса и оторванности от тувинцев, живущих в Монголии и России, в среде китайских тувинцев широко обсуждаемыми темами являются вопросы происхождения своего народа, принадлежность людей к определенным родоплеменным группам и осмысление исторического прошлого. В народной среде идет активный поиск своих истоков и корней в традиционной мифологии, преданиях и исторических повествованиях. Поэтому неслучайно в устной традиции китайских тувинцев

устойчивыми оказались предания, повествующие о происхождении, об истории тех или иных родовых групп.

Главным признаком родовых преданий, которые передаются изустно, является их установка на достоверность сообщаемого. Слушатели верят, что в преданиях описываются правдивые события, конкретные люди и реальные факты из жизни. В отдельных случаях, несмотря на вымышленность или фантастичность некоторых рассказов, они также воспринимаются тувинцами как достоверные истории, которые подтверждают становление родоплеменных групп.

О тувинском роде *хойук* имеется предание, в котором рассказывается о человеке по имени Донгак от которого ведет свое происхождение этот род. Согласно народной этимологии сообщается, что название сеока идет от прозвища прародителя рода Донгака: «Есть еще большой сеок хойук, который распадается на многие подгруппы. Род хойук делится на девять подгрупп. Прежде хойук – это имя тувинца Донгака. Когда тот человек был на охоте, в то время все деревья для топки вот такими длинными-длинными отрезали, если зимой ночевали в лесу. Когда начало бревна сторало, то оставшуюся часть приподнимали. Так вот у него перед тона всегда был в саже, потому что он поднимал и подкладывал бревна в огонь. Поэтому у этого человека во время охоты на груди всегда было грязно от сажи. Из-за этого люди, подшучивая над ним, в шутку говорили: Хөөлүг өйүк “Грудь с сажей”. Над человеком по имени Донгак во время охоты люди так подшучивали, говоря: Хөөлүг өйүк “Грудь с сажей”, а затем со временем это слово сократилось и перешло в слово хойук» (ПМА 2011). По материалам преданий, Донгак имел девять сыновей, и от них пошли девять ответвлений, которые относятся к роду *хойук*: «У человека по имени Донгак были девять сыновей, от них пошел род хойук. От девяти сыновей Донгака пошел род хойук» (ПМА 2011).

В устной традиции китайских тувинцев имеются предания о младшем сыне Донгака, которого он нашел в сугробе, завернутым в овечью шкуру. Народная память отмечает, что среди девяти сыновей Донгака был младший сын, который унаследовал его хозяйство. Этого сына Донгака называют *хөртүгөш-хойук*. Он является найденным сыном Донгака; он не родной его сын (ПМА 2012). Отметим, что данный рассказ созвучен с обычным правом китайских тувинцев: из всех детей семьи только младший сын должен наследовать хозяйство родителей.

В преданиях о роде *иркит* содержится сообщение о том, что этот сеок делится на семь ответвлений, присутствует объяснение семантики названий его подгрупп. По сообщению информантов, одного из иркитов называют «старший иркит – *мондукей*», поскольку раньше, когда их предки жили возле озера Балхаш, они так говорили: «Жеребенка от неохотлившейся кобылы называйте Педик-Ой, потомство от меня мондукей называйте». И с тех пор старших иркитов тувинцы стали называть мондукей. В этом же роде *иркит* имеется и другое ответвление – *адай*, вариант – *адай-иркит*. *Адай* означает имя человека, в свою очередь сыновей Адая называют *адай-иркит*, или *моол-иркит* (монгол-иркит) (ПМА 2011).

Сохранились также предания о происхождении подгруппы *адай* или монгол-иркит. В них говорится о том, что раньше человек из рода *иркит* привез с собой из Монголии верхом на кобыле одного мальчика, который и стал родоначальником подгруппы *кулубай-иркит*. Респонденты рассказывали, что его привезли верхом на серой кобыле, поэтому дали ему имя Хулабай, которое в настоящее время изменилось на Кулубай. Сейчас эту подгруппу называют *моол-иркит* (монгол-иркит) или *кулубай*. Кулубай – это имя того мальчика, которого привез из Монголии и вырастил человек из рода *иркит* (ПМА 2011).

Согласно преданиям, название подгруппе могли дать и по внешнему виду первопредка. Например, о группе *ак-иркит* имеется рассказ о человеке по имени Ингиилчик, у которого под глазом была большая родинка, похожая на очки. Люди, насмехаясь, называли его

Трехглазым или Ингиилчик. Сейчас *ак-иргитов* люди называют и Ингиилчик, и Трехглазый (ПМА 2011). В диалектной речи китайских тувинцев слово «*ингиилчик*» является синонимом слова «*уш-карак*», что означает «трехглазый».

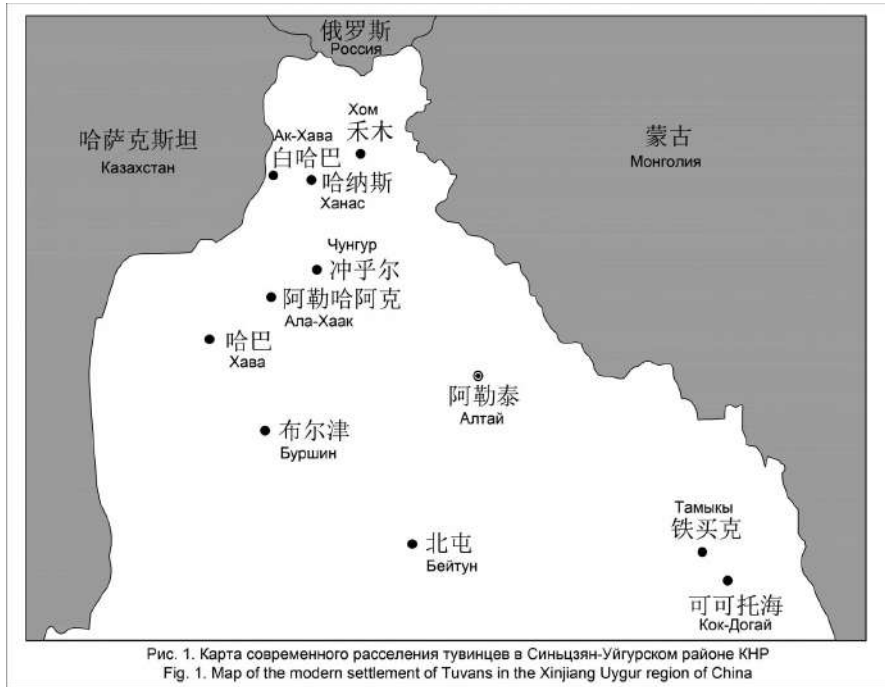
О подгруппе *шунгуур-иркит* рассказывается история о мальчике, ставшем первопрестолом. Во времена правления человека по имени Сардаа в Кок-Догае жили два мальчика, которые голодали. Когда другие люди резали мясо, один из них подполз и съел его. Мальчик по имени Адай был спокойного нрава; он не прикасался к мясу. После этого человек по имени Сардаа назвал мальчика спокойного нрава Адаем. Мальчика, который тайно подполз и съел мясо, назвали Шунгуур (ПМА 2011). В речи китайских тувинцев глагол *шунгуур* употребляется в значении «ползать».

До настоящего времени некоторые представители рода *адай-иркит* идентифицируют себя с российскими тувинцами, пришедшими с территории Тувы. Бытует цикл преданий на эту тему: Мы пришли из Кызыла, мы – красное войско Чингисхана. Чингисхан нас привел, чтобы мы сторожили границу в этих местах. После того как Чингисхан нас привел в эти земли, чтобы мы сторожили его владения, сам он уехал в Монголию. На каждой земле оставил предводителей. Человека по имени Шагаадай оставил на Зуункаре и Барынкаре. На восточной стороне – Шагаадай, на Западной стороне – монголы (ПМА 2011). В данном примере присутствуют в какой-то мере достоверные сведения, относящиеся к периодам Монгольской (1206–1368) и Цинской империй (1757–1912). Известно, что «из урянхатов вышли нукеры Чингисхана, известные полководцы Субэдэй и Джелме, родственные связи с предками современных тувинцев не вызывают возражений у российских и монгольских исследователей» [Маннай-оол, 2004, с. 131]. По историческим данным, войска Танну-Урянхая (Тувы) в первое время после его включения в состав Цинской империи выводились в разброды и походы без своего знамени, что задело их самолюбие. По ходатайству амбын-нойона улясунтайский цзянь-цзюнь обратился к Цинскому двору с докладом, и в 1766 г. было решено вручить правителю Урянхая красное знамя. Тувинцы-воины должны были быть готовы по первому требованию цинского императора выступить на войну под его знаменами. Они обязаны были также нести караульную службу на южных и северных границах Тувы [История Тувы, 2001, с. 221–222].

Про род *хара-соян*, представители которого в настоящее время в основном проживают в Ханасе, имеется следующий рассказ. Внутри сеока кара-соян есть кара-соян, хойт, ша-нагаш, кара-тош. Был мальчик-сирота Кондербай из тувинцев. Его обменяли на монгола Иктина-Мерхина. Тот Иктин-Мерхин стал бегом-правителем кожууна. В ак и кара-соян кожуунах был сын Иктин-Мерхина Тарвыдаа. Сын Тарвыдаа – Буюн-Олчий, сын Буюн-Олчия – Сендинчап, сын Сендинчапа – Маскыржап, сыновья Маскыржапа – Серип, Комбу, Монху-Бурун. Человек по имени Монху-Бурун до сих пор живет в Ханасе. Они пришли оттуда. В Хабе люди из сеока халха-монгол ламу Ат-Баштыга в недавнем прошлом привезли его сыновья (ПМА 2012). Как видим, в данном примере перечислены только имена сыновей, поскольку по представлениям тувинцев род ведется по отцовской линии.

Имеются рассказы более позднего времени, в которых кратко объясняется народное толкование этнонима родового подразделения. Например, о группе *хара-тош* приводится наивное толкование названия рода, выразившееся в том, что *хара-тош* своровал орехи, поэтому они стали *хара-тош* (черным племенем) (ПМА 2012).

Как отмечалось выше, у тувинцев Китая до настоящего времени в свадебной традиции соблюдаются условия экзогамии. В подобной ситуации интерес представляет вариант предания о проведении обряда, который «прерывал» родство подгрупп в пределах одного сеока с помощью разрезания веревки, символизирующей кровную связь. Обратим внимание, что в нарративе главными персонажами обряда являются только молодые девушки брачного

возраста. По словам рассказчиков, ставили дочерей братьев по двум разным сторонам. В руки им давали черную волосяную веревку, затем лама или шаман отрезал ее посередине. С отрезанием веревки они не считаются родственниками; с этого времени они могут обмениваться девушками. Этот обряд совершается только через семь-девять поколений; до этого срока им нельзя создавать семью (ПМА 2011).

В исторической памяти китайских тувинцев также отражены случаи вхождения представителей иных народов в их состав. Ярким примером исторических преданий подобного рода являются нарративы об алтайских сеоках, которых тувинская знать принудила войти в состав двух тувинских родов – *хэйук* и *соян* – во избежание межродовых столкновений [Юша, 2017(1), с. 104], в чем большую роль сыграл и существовавший запрет находиться чужакам на родовых территориях.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование является первой попыткой осветить этнический состав и родовой дискурс китайских тувинцев. Рассмотренный материал позволяет говорить о том, что тувинцы Китая в наши дни дисперсно расселены на родовых территориях, находящихся в Или-Казахской области СУАР в семи деревнях и трех городах, но большая часть тувинского населения сосредоточена в трех деревнях – Ак-Хаве, Ханасе, Хоме. Представления китайских тувинцев о родовой группе до сих пор содержат архаические воззрения, в них имеются запреты и правила экзогамии, которые действуют в условиях иноэтничного окружения. Этнический состав тувинцев Китая состоит из основных 11 родоплеменных групп, в кото-

рых встречаются случаи распада на мелкие родовые подразделения, а также объединение некоторых из них в один большой сеок. В устной традиции родовой дискурс представлен преданиями о родоплеменных группах и их подразделениях, о первопредках сеока и об истории происхождения родов, которые принимаются слушателями за достоверные сведения. В памяти китайских тувинцев сохранились исторические предания о существовавшей обрядовой практике, посвященной разрыву кровных связей между подразделениями одного рода, а также случаи вхождения других народов в состав тувинцев.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Абрамзон С.М. *Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи*. Л.: Наука, 1971 [Abramzon S.M. *Kyrgyz People and Their Ethnogenetic, Historical and Cultural Ties*. Leningrad: Nauka, 1971 (in Russian)].
- Аранчын Ю.Л. Новые этнографические и филологические материалы из Северо-Западной Монголии. *Учёные записки ТННУИЯЛИ*. Вып. 17. Кызыл: Тувинское книжное изд-во, 1975. С. 202–218 [Aranchyn Yu.L. New Ethnographic and Philological Materials from Northwestern Mongolia. *Uchenye zapiski TNNIYALI (= Scholarly Notes of the Tuvan Institute of Humanities and Practical Studies)*. Vol. 17. Kyzyl: Tuvinskoe knizhnoe izdatelstvo, 1975. Pp. 202–218 (in Russian)].
- Басаева К.Д. *Брак и семья у бурят (вторая половина XIX – начало XX в.)*. Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1991 [Basaeva K.D. *Marriage and Family among the Buryats (second half of the 19th – early 20th centuries)*. Ulan-Ude: Buryatskoye knizhnoye izdatelstvo, 1991 (in Russian)].
- Вайнштейн С.И. *Загадочная Тува*. М., 2009 [Vaynshteyn S.I. *Mysterious Tuva*. Moscow: Nauka, 2009 (in Russian)].
- Грум-Гржимайло Г.Е. *Западная Монголия и Урянхайский край*. Т. 3. Вып. 1. Антропологический и этнографический очерк этих стран. Л.: [б.и.], 1926 [Grumm-Grzhimaylo G.E. *Western Mongolia and Uryankhai Region*. Vol. 3. Iss. 1. Anthropological and ethnographic essay on these countries. Leningrad: w/p, 1926 (in Russian)].
- История Тувы*: В 3 т. Под общ. ред. С.И. Вайнштейна, М.Х. Маннай-оола. Т. 1. Новосибирск: Наука, 2001 [History of Tuva. In 3 vols. S.I. Vaynshteyn, M.Kh. Mannay-ool (eds.) Vol. 1. Novosibirsk: Nauka, 2001 (in Russian)].
- Катанов Н.Ф. *Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня*. Т. 1. Казань: Типо-литография Императорского университета, 1903 [Katanov N.F. *An attempt to study the Uryankhai language with an indication of its main relationships to other languages of Turkic origin*. Vol. 1. Kazan: Tipo-litografiya Imperatorskogo Universiteta, 1903 (in Russian)].
- Маннай-оол М.Х. Тувинцы Монголии: традиции и современность. *Учёные записки ТННУИЯЛИ*. Вып. 18. Кызыл: Тувинское книжное изд-во, 1995. С. 56–61 [Mannai-ool M.Kh. *Tuvans of Mongolia: Traditions and Modernity*. *Uchenye zapiski TNNIYALI (Scholarly Notes of the Tuvan Institute of Humanities and Practical Studies)*. Vol. 18. Kyzyl: Tuvinskoe knizhnoe izdatelstvo, 1995. Pp. 56–61 (in Russian)].
- Маннай-оол М.Х. *Тувинцы: Происхождение тувинского народа*. Новосибирск: Наука, 2004 [Mannai-ool M.Kh. *Tuvans: Origin of the Tuvan People*. Novosibirsk: Nauka, 2004 (in Russian)].
- Монгуш М.В. *Тувинцы в Китае: историко-этнографический очерк*. Кызыл: Эне созу, 1997 [Mongush M.V. *Tuvans in China: Historical and Ethnographic Essay*. Kyzyl: Ene sozu, 1997 (in Russian)].
- Монгуш М.В. *Тувинцы Монголии и Китая: Этнодисперсные группы (История и современность)*. Новосибирск: Наука, 2010 [Mongush M.V. *Tuvans of Mongolia and China. Ethnic Dispersed Groups. History and modernity*. Novosibirsk: Nauka, 2002 (in Russian)].
- Нанкуаймодыгы (南快莫德格). *Синдзян тува рен шыхуэй венхуа тизнье диаоча юй йендзёу*. 新疆图瓦人社会文化田野调查与研究 (Социальная культура тувинцев Синьцзяна). Пекин: [б.и.], 2009. 北京, 2009 [Nankuaimodege. *Xinjiang Tuwa ren shehui wenhua tianye diaocha yu yanjiu (Social Culture of Tuvans in Xinjiang)*. Beijing: w/p, 2009 (in Chinese)].
- Олзей Б.-О. Происхождение, развитие и эволюция музыкального инструмента шоор. *Азиатские исследования: история и современность*. 2022. № 2 (2). С. 144–158 [Olzei B.-O. *Origin, Development*

and Evolution of the Musical Instrument “Shoor”. *Asian Studies: History and Modernity*. 2022. No. 2 (2). Pp. 144–158 (in Russian)].

Серен П.С. *Тере-Хольский диалект тувинского языка*. Абакан: Изд-во Хакасского университета, 2006 [Seren P.S. *The Tere-Khol dialect of the Tuvan language*. Abakan: Khakas University Publ., 2006 (in Russian)].

Татаринцев Б.И. Два тувинских этнонима (адай, чаг-тыва). *Ученые записки ТНИИЯЛИ*. Вып. 18. Кызыл: Тувинское книжное изд-во, 1995. С. 102–115 [Tatarintsev B.I. Two Tuvan ethnonyms (adaï, chag-tyva). *Uchenye zapiski TNPYALI (Scholarly Notes of the Tuvan Institute of Humanities and Practical Studies)*, Vol. 18. Kyzyl: Tuvinskoe knizhnoe izdatelstvo, 1995. Pp. 102–115 (in Russian)].

Таубс Э. *Сказки и предания алтайских тувинцев*. М.: Восточная литература РАН, 1994 [Taube E. *Tales and Legends of the Altai Tuvans*. Moscow: Vostochnaya literatura RAN, 1994 (in Russian)].

Чжэнгчунг С. (宋正纯). *Тува юй хы тува рен де дуо юй шынхуо*. 图瓦语和图瓦人的多语生活. (Тувинский язык и жизнь тувинцев в многоязычной среде Китая). Пекин: [б.и.], 2016 [Song Zhengchun. *Tuva yu he Tuva ren de duo yu shenghuo*. (Tuva Language and the multi-lingual life of the Tuvan people in China). Beijing: w/p, 2016 (in Chinese)].

Шатинова Н.И. *Семья у алтайцев*. Горно-Алтайск: Алтайское книжное изд-во, 1981 [Shatinova N.I. *Family among the Altay people*. Gorno-Altaysk: Altayskoe knizhnoe izdatelstvo, 1981 (in Russian)].

Юша Ж.М. Тувинцы Китая в XXI веке: вехи истории и современное состояние. *Новые исследования Тувы*. 2017(1). № 1. С. 101–118 [Yusha Zh.M. Tuvans in 21st Century China: History and Contemporary Situation. *The New Research of Tuva*. 2017(1). No. 1. Pp. 101–118 (in Russian)].

Юша Ж.М. Фольклорно-этнографические традиции тувинцев Китая (по результатам полевой работы 2016 г.). *Томский журнал лингвистических и антропологических исследований*. 2017(2). № 3 (17). С. 90–96 [Yusha Zh.M. Folklore and Ethnographic Traditions of Tuvians of China (Based on 2016 Fieldwork). *Tomsk Journal LING & ANTHRO*. 2017(2). No. 3 (17). Pp. 90–96 (in Russian)].

Юша Ж.М. *Фольклор и обряд тувинцев Китая в начале XX века: структура, семантика, прагматика*. Дисс. ...доктора филол.наук. Новосибирск: Институт филологии СО РАН, 2017(3) [Yusha Zh.M. *Folklore and Ritual of Chinese Tuvans in the early 20th century: structure, semantics, pragmatics*. DSc Thesis. Novosibirsk: Institute of Philology, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, 2017(3) (in Russian)].

Юша Ж.М. *Фольклор и обряд тувинцев Китая в начале XX века. Структура. Семантика. Прагматика*. Новосибирск: Наука, 2018(1) [Yusha Zh.M. *Folklore and Ritual of Chinese Tuvans in the early 20th century: structure, semantics, pragmatics*. Novosibirsk: Nauka, 2018(1) (in Russian)].

Юша Ж.М. Проблемы сохранения родного языка китайских тувинцев. *Новые исследования Тувы*. 2018(2). № 1. С. 45–60 [Yusha Zh.M. The problem of preserving the mother tongue of Tuvans of China. *The New Research of Tuva*. 2018(2). Vol. 1. Pp. 45–60 (in Russian)].

Mawkanuli T. *Jungar Tuvan Texts*. Bloomington: Indiana University Bloomington Research Institute for Inner Asian Studies, 2005.

Shimin G. Materials on Tuvinian language of China. *Altaic Languages and Oriental Philology*. Moscow: Vostochnaya literatura RAS, 2005. Pp. 409–503.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЮША Жанна Монгеевна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия.

Zhanna M. YUSHA, DSc (Philology), Leading Research Fellow, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia.